

# СОЛИДАРНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В ПРОЦЕССАХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ <sup>1</sup>

## SOLIDARITY AS A POLITICAL VALUE AND ITS ROLE IN THE DEMOCRATIZATION PROCESSES

CZU: 321.7:17.026.2

**Lilia BRAGA, doctor în filosofie,  
conferențiar cercetător, Institutul de Cercetări  
Juridice, Politice și Sociologice  
al Universității de Stat din Moldova**  
E-mail: 009braga@gmail.com  
ORCID 0000-0003-1617-5983

### Rezumat

În acest articol este supusă examinării problema solidarității politice și rolul acesteia în contextul proceselor de democratizare. Autorul analizează diferite puncte de vedere privind solidaritatea politică în lumea contemporană și ajunge la concluzia că există două abordări principale ale înțelegerii acesteia: „optimistă” și „pesimistă”. În baza analizei “teoriei emancipării” (R. Inglehart, Ch. Welzel), autorul își justifică preferința pentru o abordare “optimistă”, postulând o legătură strânsă între “valorile auto-exprimării” și progresul politic.

**Cuvinte-cheie:** solidaritate politică, „valorile auto-exprimării”, proces politic, democratizare, sferă politică, capital social, coeziune socială.

---

<sup>1</sup> Articolul este elaborat în cadrul subprogramului 01.05.01 **Securitatea Națională a Republicii Moldova în contextul aderării la Uniunea Europeană: abordări juridice, politice și sociologice**, realizat de Institutul de Cercetări Juridice, Politice și Sociologice al Universității de Stat din Moldova.

## Summary

*The article deals with the problem of political solidarity and its role in the context of the democratization processes. The author analyzes different points of view regarding the political solidarity in the modern world and comes to conclusion, that there are two main approaches to its comprehension: “optimistic” and “pessimistic”. Based on the analysis of the “theory of emancipation” by the R. Inglehart and Ch. Welzel, the author justifies his preference for an “optimistic” approach, postulating a close connection between the “values of self-expression” and political progress.*

**Keywords:** *political solidarity, “values of self-expression”, political process, democratization, political sphere, social capital, social cohesion.*

Эффективность политического процесса, в самом широком смысле понимаемого как совокупность различных форм взаимодействия по реализации интересов субъектами политической жизни, в которых они выполняют определенные политические роли и функции [1, с. 485], в целом, а также функциональность институтов государственной власти, призванных осуществлять управление с учетом общезначимых интересов, в частности, всегда были одними из наиболее острых и актуальных проблем, привлекающих внимание политологов на протяжении всего этапа демократического реформирования в Республике Молдова [2, 3, 4]. Однако тот факт, что Республика Молдова в 2022 году стала кандидатом на вступление в Европейский Союз, поставил перед страной целый ряд амбициозных задач, превратив проблему повышения эффективности политического процесса, предполагающую ускорение процессов политического реформирования исходя из общеевропейских ценностей и стандартов, в еще более насущную и злободневную, поистине не терпящую отлагательства.

В этой связи, изучение тех факторов, которые способны оказывать существенное влияние на динамические характеристики политического процесса, разворачивающегося в Республике Молдова на рассматриваемом этапе, представляет особый исследовательский интерес. Одним из таких факторов, имеющих решающее значение для предопределения направленности развертывания по-

литического процесса, а также степени эффективности реализации общезначимых интересов общества, является установившийся в стране характер взаимодействия субъектов политической жизни, предписываемый доминирующими в стране ценностями политической культуры.

Республика Молдова, как на это указывает ныне действующий Президент страны М. Санду, является свободной демократической страной [5, 6]. Следует признать, что данное утверждение сегодня, как и ныне, по-прежнему в большей мере отражает стоящие перед страной цели и задачи политического развития, нежели ту объективную реальность, которая в полной мере может характеризовать политическую сферу жизни общества.

Ориентированность политического развития на демократические цели и ценности задает функционированию политической сферы целый ряд параметров, к реализации которых должна стремиться страна, ставшая на путь демократического реформирования и европейской интеграции. Основные из них прописаны в Основном Законе страны – Конституции Республики Молдова (Раздел I), из которой следует, что целью политического развития Республики Молдова является построение правового демократического государства, и, следовательно, общества, построенного на принципах самоуправления [7]. Самоуправление, в свою очередь, предполагает широкое участие граждан, в той или иной форме, в политической повестке дня, преследующее не только цели артикуляции своих интересов, но и оказания давления и контроля над деятельностью властных структур. Поэтому самоуправление, являющееся сутью демократической системы, предполагает широкое соучастие/взаимодействие общества в политическом управлении, диктуя ему, в то же время, соответствующую меру ответственности за ход развития.

Активное со/участие общества в политическом управлении является не только залогом эффективного функционирования институтов власти, призванных к защите и реализации интересов всего общества в целом, но и тем, по словам Г. Алмонда, «резервуаром», из которого демократия черпает свои силы [8, с. 279]. Неслучай-

но именно с феноменом «энтропии участия», приобретающим все больший размах в современном мире, аналитики связывают тенденции «отступления демократии» и все большую эволюцию демократических политических систем в состояние «постдемократии», характеризующейся углубляющейся политической маргинализацией масс [9, с. 8-9].

Характер участия/соучастия общества в политике коренится в доминирующей в стране политической культуре, опираясь на целый ряд ценностно-политических ориентаций, определяющих не только оценочное отношение граждан к политике, но и побуждающих к особому типу действий в рамках существующих политических отношений. В указанном ряду особое положение, на наш взгляд, занимает солидарность – ценностная категория, имеющая неопределимое значение не только для эффективного функционирования политической сферы, но и для устойчивого развития общества, в целом, являясь, по сути, тем ценностным основанием социальной сплоченности, без которой невозможно ни успешное реформирование, ни дальнейший социальный прогресс. В этой связи, изучение процессов функционирования политической сферы с точки зрения политической солидарности, понимаемой, во-первых, как фактор «внутригруппового и межгруппового сплочения и взаимной поддержки в борьбе за общие цели; во-вторых, основной фактор интеграции индивидов в общество; в-третьих, главное этическое и в определенной мере рациональное основание социального государства; в-четвертых, соединение усилий различных общественных сил и государств в решении глобальных проблем современности» [10], представляется одним из наиболее важных исследовательских аспектов, способных не только уточнить картину характера взаимодействий, возникающих в рамках политического процесса, но и наметить пути укрепления солидарных связей как в «горизонтальном», так и «вертикальном» направлении в целях повышения эффективности функционирования политической сферы.

Необходимо отметить, что помимо огромной ценностной значимости для эффективного развития политического процесса,

категория политическая солидарность весьма продуктивна в когнитивном смысле, способствуя приращению нового политологического знания. Анализ политической реальности сквозь призму категории политической солидарности позволяет выявить реальную картину таящегося в обществе политического потенциала/социального капитала, исходя из которой можно строить достоверные представления о качестве и глубине процессов политического реформирования, а также выстраивать научно-обоснованные прогнозы относительно их дальнейшей эволюции.

Высокая актуальность темы политической солидарности обусловлена еще и тем, что на постсоветском пространстве, по признанию многих исследователей, данная тема долгое время относилась к числу маргинальных [10], что, на наш взгляд, является незаслуженным упущением. Подобное положение дел можно объяснить лишь тем, что категория политической солидарности занимала (и занимает) центральное положение в рамках коммунистической идеологии, будучи признанной в качестве одной из ведущих ценностей социалистического общества [11]. Процесс распада системы социализма на постсоветском пространстве и отказ от идеологии коммунизма вполне предсказуемо привел к тому положению, когда и сама ценность политической солидарности как таковая оказалась «выплеснутой» на обочину исследовательского внимания «вместе с водой». Однако подобное положение дел представляется как неоправданным, так и контрпродуктивным, поскольку игнорирование/недооценка феномена политической солидарности не только лишает политологический анализ важного научно-исследовательского инструментария, но, в конечном счете, приводит к искажению реальной картины политической жизни в стране.

Следует признать, что на рассматриваемом этапе изучению феномена солидарности в современном глобализированном социуме, ее роли в политике, разрабатываемой и осуществляемой государством, больше внимания уделялось исследователями стран Запада [12]. Если попытаться обобщить предпринятые исследователями попытки научного анализа, то, в общем и целом, можно свести их к одному фундаментальному вопросу: есть ли вообще место

политической солидарности в современном мире? Однозначного ответа на данный вопрос не существует, напротив, мнения разделились. Одни полагают, что политическая солидарность в современном мире, исходя из тенденций его развития, способствующих атомизации социума, изжила себя. Другие, напротив, считают, что политическая солидарность – это неотъемлемая ценность любого политического сообщества, однако в современном изменчивом мире она может принимать несколько иные, соответствующие характеру современной реальности формы.

Анализ указанных разноречивых позиций в западной политологической мысли хорошо, в частности, представлен в труде Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля «Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития» (*Ronald Inglehart, Christian Welzel, 2005*), посвященном изучению эволюции ценностных установок жителей разных стран мира на рубеже последних веков [13]. Авторы труда, в частности, показывают, что некоторые исследователи (Флэнаган и его соавторы) в недавнем прошлом подняли тревогу по поводу опасностей, которые, по их мнению, связаны с переходом от «авторитарных ценностей к либертарианским» (*Flanagan et.al., 2002*). Их заявления идут в одном русле с другими сетованиями на падение общественной нравственности, гражданственности и духа общности в современном мире.

Флэнаган, вместе с другими исследователями, показывает, что переход от доиндустриального общества к индустриальному сопровождался изменением формы власти и авторитета с религиозной на светскую, однако этот сдвиг не повлиял на саму форму власти: она по-прежнему носила внешний характер, воплощаясь в религиозных или светских структурах, к которым он был привязан не по собственному выбору. Что же касается перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, то он несет с собой резкий разрыв с прошлым, в результате которого индивиды проявляют меньшую готовность поддерживать внешнюю власть или авторитет. Таким образом, в условиях, продуцируемых постиндустриальным обществом, люди уже не принимают предпри-

сываемые обществом нормы и правила как данность и более не проявляют лояльность по отношению к институтам, организациям и ассоциациям, поддерживающим активность гражданского общества и общественной жизни. Они полагают, что формирующиеся новые ценности отражают дух постмодернизма, не признающего непреложных правил и моральных принципов. В рамках постмодернизма отношение людей к общественной жизни основывается на эгоистическом расчете выгод и издержек: они, как утверждают исследователи, принимают в ней участие только в том случае, если это сулит немедленную выгоду и не слишком затрагивает их личную свободу. В целом, как подытоживают исследователи, наблюдается повышение запросов без соответствующей готовности принять на себя какие-либо обязанности по отношению к обществу, что подрывает демократические сообщества [13, с. 421-422].

Р. Инглхарт и К. Вельцель показывают, что страхи перед «разлагающим влиянием модернизации» отнюдь не новы, приводя, в частности, замечание Инкелеса, высказанное еще в 80-х гг. прошлого столетия, о том, что самое распространенное среди критиков индустриализации мнение сводится к следующему: она разрушает основополагающие социальные связи, разрушает механизмы социального контроля и тем самым прокладывает путь к бедствиям и страху [13, с. 422]. Лоулер и Маккони придерживаются того же мнения, полагая, что обществу угрожают чересчур «практичные» индивиды, которые в отношениях с другими руководствуются в основном эгоистическими расчетами. Источником этой одержимости расчетливым эгоизмом являются, по их убеждению, либеральные идеи (*Lawler, McConkey, 1998*).

Инглхарт и Вельцель называют приведенный выше подход к анализу доминирующих тенденций развития, характерных для современного социума, «эгоистической интерпретацией», поскольку в ее основе лежит убеждение, что «ценности самовыражения», которые получают в условиях развития современной эпохи все большее распространение, по определению носят эгоцентрический характер и, тем самым, разрушают социальные связи, необходимые для расцвета демократии. Однако, по их мнению, более

правильной является не эгоцентрическая, а «гуманистическая интерпретация» рассматриваемого феномена. Авторы приведенного выше труда убеждены, что ценности самовыражения, которые ставят во главу угла эмансипацию человека, тем самым, предусматривают антидискриминационную ориентацию людей, наделяя их мощной мотивацией для участия в социальных движениях, в борьбе за улучшение ситуации в самых различных сферах. Поэтому ценности самовыражения, по их мнению, носят, без сомнения, гражданственный характер [13, с. 423-424].

Распространение ценностей самовыражения, как на это указывают Инглхарт и Вельцель, не привело к ослаблению гражданской активности ни на одном из направлений. Они признают, что бюрократические организации, контролировавшие массы в прошлом, такие как партийно-политические машины, профсоюзы и церковные структуры, действительно в настоящее время все больше утрачивают влияние. Однако им на смену приходят более спонтанные, экспрессивные и конкретные формы участия людей в общественной жизни, вроде подписания петиций и выхода на демонстрацию, приобретающие все большие масштабы. Иными словами, сторонники гуманистической интерпретации полагают, что утверждение ценностей самовыражения, напротив, ведет к повышению уровня солидарных политических акций, вынуждающих элиты более «отзывчиво» реагировать на требования народа.

В отличие от тех авторов, которые убеждены в повсеместном упадке солидарных связей современного общества ввиду сокращения масштабов деятельности, связывающей людей друг с другом (*Putnam, 2000*), Инглхарт и Вельцель придерживаются иных взглядов, предлагая учитывать то обстоятельство, что солидарность по мере развития человеческого сообщества может менять свое качественное состояние. Данную тенденцию предвидели еще классики социологии. В частности, Дюркгейм, развивая свою концепцию солидарности, говорил о переходе от «механической» солидарности к «органической» (*Durkheim [1893], 1988*). Механическая солидарность автоматически возникает у членов спаянных групп, к которым человек принадлежит по рождению или в силу внешних

обстоятельств. Органическая же солидарность формируется среди людей, по собственной воле решающих координировать свои действия на основе общих интересов. Соответственно, в основе механической солидарности лежат «скрепляющие связи», а в основе органической солидарности – «наводящие мосты» [13, с. 425].

Ингхарт и Вельцель разделяют мнение многих других исследователей (*Simmel 1984; Mutz, 2002; Granovetter, 1973; Wessels, 1997*) о том, что в условиях постиндустриального общества приверженность людей социальному контролю ослабевает и они уже меньше зависят от сплоченных групп, принадлежность к которым определяется не их собственным выбором. Они показывают, что сегодня общение с родными, коллегами все больше определяется самостоятельным выбором человека. Этот отход от «скрепляющих» связей, по их мнению, дает людям больше возможностей по установлению связей, «наводящих мосты», расширяющих круг общения за пределы заранее predeterminedенных групп. Люди способны по собственной воле ослаблять или укреплять связи, «наводящие мосты». Подобные связи создают социальный капитал большего охвата, чем «скрепляющие» связи, что повышает способность общества к самоорганизации.

Все большая открытость людей для связей «наводящих мосты», необычайно расширяет возможности для проведения общественных кампаний, мобилизации большого числа людей ради коллективных действий и формирования социальных движений, преодолевающих пределы тесно спаянных групп и даже национальные границы. В эпоху, когда Интернет играет роль виртуальной мобилизующей структуры, людям незачем поддерживать друг с другом прочные личные узы, чтобы принимать участие в коллективных акциях. Таким образом, «наводящие мосты» представляют собой более мощный ингредиент социального капитала, чем «скрепляющие» связи, которые возникают в рамках тесно спаянных, интровертных сетей, основанных на регулярных личных контактах.

Любые формы социального взаимодействия и взаимоотношения представляют собой проявление социального капитала. Объем социального капитала, соответствующего традиционному, тесно

спаянному, замкнутому, конформистскому типу действительно снижается. Однако ему на смену приходит новая, более открытая разновидность социального капитала, в гораздо большей степени способствующая развитию тех форм сотрудничества, которые играют центральную роль в условиях «общества знаний» [13, с. 427].

Подытоживая приведенные выше научные сентенции относительно характера социального взаимодействия, складывающегося в условиях современного развития общества, следует, таким образом, признать, что в научно-исследовательской литературе отсутствует единый подход к оценке роли и дальнейших перспектив политической солидарности в современном мире. Если одни исследователи, придерживаясь «эгоистической» трактовки рассматриваемого феномена социально-политической жизни, выступают, по существу, сторонниками «пессимистического» подхода, то другие, ратуя за «гуманистический» подход, напротив, становятся на позиции «оптимистов». Проблема заключается в том, какую из указанных научных позиций следует избрать той точкой отсчета, которая сможет служить основой анализа конкретной политической реальности, складывающейся на сегодняшний день, в частности, в Республике Молдова?

Думается, что в любом научном споре истина всегда располагается где-то «посредине». Иными словами, плодотворность применения различных научных подходов к осмыслению тех или иных феноменов общественно-политической жизни, представляющих собой некие теоретические конструкции, носящие, по большей мере, условный характер, во многом зависит от соответствующей «системы координат». Закономерности общественного развития вообще, что характерно, прокладывают свой путь в общественной жизни как тенденции.

Так, упадок либо возрождение политической солидарности в современных обществах может быть лишь некой доминирующей тенденцией, наряду с которой возможны и иные проявления в контексте складывающихся общественных взаимодействий. Безусловно, в различных современных обществах доминирующими будут столь же различные характеры солидарных связей. Как справед-

ливо отмечают авторы труда «Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития», «несмотря на глобализацию, мир не становится единообразным, а влияние культурных традиций никуда не исчезает» [13, с. 14]. Если пользоваться терминологией Инглхарта и Вельцеля, то центральной линией водораздела современных обществ, в конечном счете, служат разделяемые ими ценности, группируемые в таких понятиях, как «ценности выживания» и «ценности самовыражения», задающие соответствующую «систему координат», в рамках которой развивается общество.

Приведенные выше авторы интерпретируют сегодняшние социальные изменения как процесс человеческого развития, способствующий эмансипации людей, в котором все большее значение придается свободе и самовыражению личности. Если вслед за Инглхартом и Вельцелем рассматривать социальный прогресс как движение к эмансипации человека, то следует признать, что общества существенным образом отличаются мерой распространения в них «ценностей самовыражения», что имеет принципиальное значение для демократического развития.

«Мы, - пишут авторы труда, - интерпретируем сегодняшние социальные изменения как процесс человеческого развития, усиливающий гуманистический характер, в котором все большее значение придается свободе и самовыражению личности» [13, с. 11]. По их убеждению, основанному на результатах исследований последних лет, человеческое развитие представляет собой единый основополагающий процесс, компонентами которого являются модернизация в социально-экономической сфере, утверждение ценностей самовыражения в культурной сфере и демократизация. Лейтмотивом этого процесса, как указывают исследователи, является расширение свободы выбора. Логика современного процесса человеческого развития такова: социально-экономическая модернизация приводит к ослаблению внешних ограничений свободы выбора, увеличивая, тем самым, материальные, когнитивные и социальные ресурсы личности. Это приводит к усилению акцента на ценностях самовыражения, что, в свою очередь, ведет к нара-

танию в обществе требований в пользу гражданских и политических свобод, гендерного равенства и «отзывчивости властей», способствуя формированию и укреплению институтов, в наибольшей степени соответствующих максимальной свободе выбора, - одним словом, демократии.

Таким образом, в отличие от элитарных и институциональных концепций демократии, имеющих довольно широкое распространение в современных исследовательских кругах, Инглхарт и Вельцель настаивают на том, что в ходе исследования проблем, связанных с демократией и демократизацией, необходимо уделять больше внимания роли массовых ценностей [13, с. 15]. Тщательный анализ причинно-следственной связи между ценностями самовыражения и ситуацией с демократией позволил авторам «теории эмансипации» предположить, что отправной точкой современного процесса человеческого развития является культура, а конечной – институты, а не наоборот, хотя этот вопрос вызывает в последние годы в научных кругах немалые споры.

Инглхарт и Вельцель показывают, что демократия, гендерное равенство, «отзывчивость властей» представляют собой элементы более общего феномена – человеческого развития, основой динамики которого является расширение свободы выбора и личной независимости. Когда значение этого аспекта модернизации возрастает, он порождает культурные изменения, чьим логическим институциональным результатом становится утверждение демократии. Усиление в культурной сфере акцента на личной независимости и свободе, смещение его от коллектива и дисциплины к свободе личности, от групповой нормы к индивидуальному многообразию, от власти государства к личной независимости граждан, порождая «синдром ценностей самовыражения», меняет саму ткань современного общества. Граждане начинают требовать большей свободы выбора и независимости по всем направлениям, в том числе, усиливая свои требования к подлинности и эффективности демократии.

Высокий уровень человеческого развития является результатом тенденции, возникшей сравнительно недавно. Опираясь на

статистические данные, авторы концепции «эмансипации человечества» показывают, что данная тенденция ограничивается пока что постиндустриальными обществами, в то время, как в развивающихся странах она лишь начинает проявляться благодаря устойчивому экономическому росту. Что же касается большинства стран с низкими среднедушевыми доходами и многих постсоветских государств, то тенденция к повышению уровня личной независимости и расширению свободы выбора затрагивает их сравнительно слабо. Преобладающие в этих странах ценностные системы по-прежнему сильно ограничивают возможности для самовыражения, а, следовательно, и для проявления солидарности.

Существующие большие различия в деятельности институтов в разных странах Инглхарт и Вельцель усматривают в существующей разнице основополагающих культурных ценностей. Приоритетность ценностей самовыражения, утверждающаяся в жизни общества в результате определенной последовательности процесса человеческого развития, способствует укреплению демократических институтов. Однако если в тех или иных обществах указанная последовательность приобретает противоположную направленность, способствующую возникновению угрозы физическому выживанию людей, преобладающее значение для людей приобретают «ценности выживания», что, в свою очередь ведет к упрочению институтов авторитаризма [13, с.433-435].

Таким образом, по убеждению приведенных выше авторов, последовательность процесса человеческого развития, независимо от ее направленности, имеет один и тот же лейтмотив, который состоит в расширении или сужении личной независимости и свободы выбора. Действуя в одном направлении, она способствует человеческому развитию и гуманизации общества, проявляющей себя в утверждении приоритета ценностей самовыражения. Если же процесс идет в обратном направлении, результатом становится откат к авторитаризму, со всеми вытекающими для прав и свобод человека последствиями. Принципиально здесь то, что эмансипация человека, отражающая динамику человеческого развития, основой которой является расширение свободы выбора и личной

независимости, выступает наиболее фундаментальным аспектом демократии.

Делая некоторые обобщения, необходимо, таким образом, констатировать наличие в исследовательских кругах неоднозначного мнения относительно перспектив в современном мире такого феномена как политическая солидарность. Сторонники одного из них полагают, что современный прогресс ведет к размыванию и свертыванию феномена политической солидарности. Другие исследователи, напротив, считают, что человеческий прогресс лишь трансформирует формы, посредством которых политическая солидарность может проявлять себя в современном мире.

Если опираться на последний подход, который представляется нам более предпочтительным, и рассматривать человеческий прогресс как суть процесс эмансипации человечества, проявляющий себя в политической сфере через расширение и укрепление демократических форм правления в глобальном масштабе, то следует признать, что политическая солидарность является одним из неотъемлемых атрибутов человеческой эволюции на рассматриваемом историческом этапе. Современная демократия по существу выросла из солидарной борьбы различных представителей трудящихся масс за расширение своих прав и свобод. В настоящее время, в условиях глобального расширения демократии, когда распространение демократических ценностей становится некой нормой либо своего рода «культурной целью», к которой должно стремиться человечество в своем развитии, политическая солидарность как ценность является не менее востребованной. Политическая солидарность является тем «пусковым ключом», при помощи которого может быть мобилизовано общество на защиту своих прав и интересов, будь то посредством массового участия в выборах, либо через осуществление перманентного давления и контроля над деятельностью властей, без которого властные структуры всегда стремятся к скатиться в авторитарное правление.

Таким образом, там, где политическая солидарность присутствует на высоком уровне демократические процессы развиваются более эффективно. И, напротив, где политическая солидарность

общества снижена, процессы демократического реформирования в конечном счете деградируют, все более «соскальзывая» в авторитаризм. В этой связи, состояние политической солидарности может служить одним из лучших тестов на уровень демократичности общества. «Демократический строй – это институциональное отражение эмансипационных сил, порождаемых человеческим развитием, и уровень ценностей самовыражения следует признать наиболее точным из имеющихся в нашем распоряжении индикаторов этих сил» [13, с. 434]

Реальная, подлинно эффективная демократия сегодня должна опираться преимущественно на ценности самовыражения, вынуждающие людей бороться за свои права, оказывая давление на власть с тем, чтобы она реально отражала интересы людей. Граждане, приверженные этим ценностям, солидарно оказывают на элиты давление с тем, чтобы те управляли государством на основе верховенства закона, делая тем самым систему по настоящему отзывчивой по отношению к предпочтениям масс и соблюдению гражданских и политических прав и свобод. «Ценности самовыражения связаны с демократией, - как показывают Инглхарт и Вельцель, - теснее, чем любой другой фактор... Возникновение и сохранение демократических институтов прочно связаны с экономическим благосостоянием, но эта связь существует благодаря тому, что последнее способствует распространению ценностей самовыражения» [13, с. 15]. Утверждение ценностей самовыражения представляет собой социальную движущую силу, действующую в пользу демократии и способствующую ее установлению там, где этот строй еще не существует, или ее укреплению там, где она уже сформировалась, за счет повышения эффективности демократических институтов.

В условиях формальной демократии, где эмансипационный импульс ценностей самовыражения также присутствует, но доминирующими являются все же ценности выживания, размывающие солидарные отношения между людьми, отсутствие интенсивного и перманентного контроля и давления на власть со стороны общества, с необходимостью ведет к усилению авторитарных тен-

денций. Здесь проводятся выборы и существуют гражданские и политические свободы, однако правящая элита имеет возможность игнорировать права людей и действовать по собственному усмотрению, что может свести на нет даже самую совершенную демократическую конституцию, превращая гражданские и политические права граждан в пустой звук.

«Демократия, - как заключают признанные представители современной западной политологической мысли Инглхарт и Вельцель, - не просто результат хитроумного торга внутри элит и конституционной инженерии. Она зависит от глубоко укорененных ценностных ориентаций населения. Эти ориентации вдохновляют людей на борьбу за свободу, за эффективные гражданские и политические права, и по-настоящему «отзывчивый» государственный строй – а также на постоянную бдительность, гарантирующую, что правящие элиты будут реагировать на его мнение. Подлинная демократия – не механизм, который стоит его один раз завести, будет функционировать сам по себе. Она зависит от людей» [13, с.434].

Любопытный опыт научного осмысления феномена политической солидарности в условиях современности представлен, также, в частности, в работах российских исследователей. Указанные исследования представляют для нас особый интерес в связи с общим историческим прошлым, во многом все еще предопределяющим схожесть характера течения политических процессов. Данный опыт довольно интересен также и в том смысле, что он, будучи результатом осмысления политических процессов современности, а также значения и роли политической солидарности для их актуального развития, отталкивается от анализа значимости указанного социального феномена для жизни общества на предшествующем историческом этапе. Следует подчеркнуть, что политическая солидарность в советский период, будучи одним из столпов коммунистической идеологии, была признана одной из важнейших политических ценностей советского общества, обеспечивавших его сплоченность как в горизонтальном, так и вертикальном направлениях. Данное обстоятельство позволяет российским исследователям дать, так сказать, наглядную картину перемен,

происходящих на сравнительно сжатом историческом этапе с положением и значимостью такой политической ценности как солидарность для актуального развития политической жизни в стране. Исследователи, опираясь на богатый фактологический материал, констатируют тенденцию резкого снижения роли политической солидарности в развитии политической жизни не только у себя в стране, но и в мире, в целом, тесным образом увязывая ее динамику с так называемым феноменом «энтропии» участия.

Указанная тенденция, по мнению исследователей, является проявлением общей логики современного общественного прогресса, ведущей человечество, по убеждению российских аналитиков, к «новому феодализму», в рамках которого нет места политической солидарности. Политическая солидарность по существу изжила себя и более не может служить основой сплоченности атомизированного общества всеобщей конфронтации, что обнаруживает наличие негативной тенденции к снижению социальной солидарности, росту индивидуализма российского общества [14]. «В условиях плюрализма и регулярной новизны общественной повестки, - пишет Коньков, - взаимность и длительность неинституциональных оснований солидарных связей каждый раз ставятся под сомнение, что не позволяет в полной мере развиться и институциональным структурам» [15]. Таким образом, опираясь на исследования в своей стране, ряд российских аналитиков приходит к обобщающему выводу, по сути отказывающему феномену политической солидарности в сколько-нибудь прочных основаниях в условиях современной действительности, чем выражает свое несогласие с позицией сторонников культурологического подхода в западной политологии, указывающих на симптомы трансформации феномена политической солидарности в соответствии с характером общественных перемен.

Вместе с тем, показательно, что как те из исследователей, которые крайне скептически относятся к настоящему и будущему политической солидарности, так и те, которые придерживаются более оптимистических позиций на этот счет, сходятся в одном: к идее о том, что в основании феномена политической солидарнос-

ти, понимаемой как согласованные действия людей в политической сфере, основанные на общности интересов, целей и стандартов и направленные на защиту этих интересов, лежат «культурные ценности», без которых солидарность как феномен политической жизни «усыхает». Р. Инглхарт называет эти ценности «ценностями самовыражения», расцветающими в общем контексте процесса эмансипации человечества, обусловленного его прогрессивным развитием. Следует отметить, что данная точка зрения вписывается в общий контекст развиваемой им теории политической культуры.

Российские исследователи, рассматривая солидарность как явление культуры, характеризующееся «приверженностью одним и тем же ценностям и нормам», напротив, по большей части склоняются к мысли о том, что культурные ценности, лежащие в основании феномена политической солидарности, представляют собой некую историческую традицию, «проявляющуюся в совершенно разных типах общественных отношений». Имея универсальную природу, солидарность, по убеждению Е. Попова, в большей степени «связана с универсальными ценностями, которые присутствуют в каждой культуре, независимо от ее национального своеобразия». «Эффект» солидарности, по его мнению, возникает на основе общих норм и ценностей, таких, например, как «равенство» и «справедливость», при этом, ценность свободы обладает приоритетом в формировании солидарности [16]. Связывая солидарность с «повседневной жизнедеятельностью различных общностей и социальных групп», Е. Попов вслед за А. Шмектом, полагает, что она указывает на сплоченность индивидов внутри коллективов, групп и по сути представляет собой «систему взаимосвязанных ценностей и норм, в совокупности поддерживающих высокий уровень активности людей на основе их приверженности той или иной идеологии, традициям культуры, семьи, религии, поколений и т.д.» [16].

Другие авторы, изучающие проблему солидарности как основы социального развития российского общества, полагают, что в настоящее время универсальные ценности, основывавшиеся на принципах гуманизма, веры в позитивную природу человека, про-

гресс, справедливость, равенство и свободу, рациональность поведения, подвергаются все большей эрозии, а это, в конечном счете, обуславливает тенденции к снижению социальной солидарности. Указанную тенденцию объясняют различными причинами, среди которых решающее значение отводится природе наступающей современности, той специфике, которая характеризует социальность постмодерна [14], в связи с чем высказываются большие сомнения относительно перспектив политической солидарности как одного из оснований социального государства в условиях глобализации [10]. Признаваемый российскими аналитиками феномен деградации солидарности несет, с их точки зрения, немалую угрозу будущему России, ее целостности [17].

Новая зарождающаяся социальность оценивается большинством авторов преимущественно в негативистском духе, как нечто регрессивное, разрушающее основы коллективистско-традиционалистской солидарной сферы, несущее взамен антагонистический, индивидуалистический материал [18]. В России и мире в целом, как полагает С. Кургинян, происходит метафизическая катастрофа падения, регресса, когда сообщества или индивидуумы мыслят для себя любые приобретения как отказ от обременений. Причем обременением могут стать и привычные ранее понятия поддержки слабых, сострадания и солидарности, религиозные и духовные искания, усилия для роста и развития [19].

Надвигающуюся новую эпоху в значительной части российских публикаций нередко называют «новым феодализмом», в которой, возможно, господствующими принципами станут принципы эпохи домодерна: отсутствия индустриализма, признания естественности и желательности социального неравенства, иерархичности в построении общества, индивидуализации общественных отношений, снижении социальной солидарности и повышении элитарности в построении властно-организационных начал, отказ от идеи прогресса как типа развития, при котором выигрывает большинство общества, существует свобода для немногих, «свобода от равенства и братства» [14]. Иными словами, «культура солидарности» в настоящее время, по убеждению российских анали-

тиков, разрушается под влиянием тех тенденций, которые обычно обозначаются понятием «индивидуализация» и «атомизация» [20, с. 15]. В. Жуков, в частности, отмечает, что современный цивилизованный мир сталкивается с тотальной индивидуализацией форм воспроизводства феноменов жизнедеятельности, нарушением сложившихся пропорций между сферами, формами и методами самореализации, что подвергает изменениям идеологию, принципы, направления, механизмы традиционного типа социальной политики, в то же время, повышая социальную конфликтность, ведя к возобладанию права сильного и успешного, сужая объемы государственного участия в социальной защите населения [21, с. 40].

Российские авторы мало верят в перспективы «нового индивидуализма», который в принципе не отвергает способность людей к солидарности, но не поддерживает необходимость принадлежности к крупным организациям, полагая, что залогом солидарных отношений в обществе может служить лишь коллективизм. По их убеждению, складывающаяся реальность, сопряженная с укреплением тенденций к «новому индивидуализму», разрушающая социальные скрепы общества, подлежит исправлению. В этой связи, признавая необходимость поиска социальных скреп, способных сплотить общество в условиях «изменения построения базовых основ общества при переходе к постмодерну», российские авторы, как показывает И. Скворцов, довольно часто в своих работах ратуют за «необходимость реализации в стране универсального сверхмодернизационного проекта, соизмеримого по масштабу с Большим Модерном или коммунизмом как проектом альтернативной модернизации» [14]. Задача указанного проекта – сформулировать новый дискурс социальности, ориентированной на гармоничное развитие общества и личности, которая, не ущемляя возросшую социальную роль индивида, в то же время могла бы противостоять негативным последствиям индивидуализации. Иными словами, возможность консолидации масс на базе возрождения общих ценностей все еще не исключается [17].

Причем авторы упомянутой выше идеи убеждены, что подобный проект подойдет не только России, но и всему мировому со-

обществу. Следует особо отметить, что России в данном проекте отводится, по сути, мессианская роль, базирующаяся на двух основных доводах. С одной стороны, это убежденность в особой, мессианской роли русской культуры, опирающейся на некие «базисные ценности», способствующие «формированию личности, способной критически воспринимать и оценивать происходящее, а также достигать тех целей, которые стоят перед этой личностью и перед обществом», тем самым обеспечивая его сплоченность. Поэтому, как указывает И. Скворцов, по мнению Леоновой О. Г., «русская культура даёт мировому сообществу некоторую надежду на то, что именно здесь появятся какие-то новые идеи в области онтологии, в области представлений о человеке и Боге, в области моделей новой социальности» [14]. С другой стороны, - это указание на то, что Россия является правопреемником советского социалистического опыта индустриального и даже постиндустриального коллективизма, имеющего огромное значение для сохранения идентичности и формирования новой модели социальных отношений [14].

Апелляция российских авторов к «социалистическому опыту» в поиске механизмов укрепления сплоченности общества говорит о том, что сила тоталитарного мышления все еще в значительной мере владеет умами исследователей. Ставка на коллективизм в процессе укрепления солидарных связей общества в пику крепнущему в условиях современности индивидуализму возможна лишь посредством навязывания обществу соответствующей идеологии, такой как социалистическая. Однако важно помнить, что «марксизм рассматривал солидарность в рамках конфликтной парадигмы политического процесса и в качестве важного политического ресурса конфликтующих сторон» [10].

Призыв к возрождению и укреплению солидарности посредством поддержания коллективизма предполагает, как справедливо подмечено в аналитической статье «Мировые политические идеологии: сравнительный анализ», реализацию определенной «социальной инженерии», которая является не только утопической по своей природе, но и вступает в фундаментальное противоречие со сложностью человеческого бытия. Это представления, основан-

ные на крайнем рационализме, предполагающие, что политически сознательная часть общества, обладающая абсолютной истиной, может осуществлять контроль над общественной эволюцией, направлять социально-экономические перемены к заранее намеченным целям. История, таким образом, мыслится не как спонтанный процесс, но как орудие коллективного разума человечества, служащее определенным моральным целям [11].

Однако, как полагают авторы статьи «Мировые политические идеологии: сравнительный анализ», вся историческая практика XX в. свидетельствует о том, что социальным процессам, однажды сознательно инициированным людьми по теоретическому расчету, сугубо целенаправленно, свойственно затем самостоятельное развитие. Люди становятся пленниками событий, которые они сами косвенно вызвали, но не предвидели. Дело в том, что историческое закономерное не совпадает с логическим и наложение непредвиденных событий на первоначальный план вынуждает, ради спасения высокой цели, идти на нежелательные и даже неприемлемые меры. А они, в свою очередь, тоже имеют свои – и тоже непредвиденные последствия, объем и сила которых, иногда превышают возможности субъективного фактора их исключить. В конце концов, процессы, исходно направленные на одну цель, могут самостоятельно приводить к результатам, которых никто не хотел [11].

Тем не менее, поиск «объединительных» идей является весьма характерным во время системной трансформации обществ. Нахождение популярных политических идей и лозунгов, с помощью которых можно было бы объединить вокруг себя максимальное количество приверженцев, в условиях, когда общество еще не структурировалось изнутри и доминирующими остаются формы массового, а не индивидуального сознания, становится по сути неизбежным. К примеру, в большинстве посттоталитарных стран Центральной и Восточной Европы первоначальными формами артикуляции возражающегося гражданского общества, выступили национализм [11].

Идеи своеобразия «русского духа» и мессианизма русского народа, характерные для российской ментальности, традиционно

подталкивали многих представителей российской интеллигенции к поиску «особого пути развития» для России, результатом чего становились всевозможные идейно-теоретические конструкции, под которые подгонялось развитие общества. Проблема, однако, заключается в таящемся в так называемых проектах «альтернативной модернизации» отрицании складывающейся под влиянием современного общественного прогресса реальности, нежелании мириться с ее изменениями, повергающими традиционные отношения в кризисное состояние, а также обусловленном этим отрицанием стремлении противостоять новым тенденциям развития. Следует понимать, что реализация подобных проектов «сплочения» общества возможна лишь в рамках авторитарной/тоталитарной власти, где людям может быть навязана определенная идеология и опирающаяся на ней линия поведения. Как показывают Инглхарт и Вельцель, секулярно-рационалистические ценности вполне могут быть совместимы с недемократическим строем. Процессы секуляризации и рационализации требуют включения масс в политический процесс, поскольку на этом этапе единственным источником легитимации становится согласие народа. Однако мобилизацию масс для получения такого согласия можно обеспечить и авторитарными методами: это не вызывает недовольства и протеста, если для большинства людей конформистские ценности выживания имеют приоритетное значение по сравнению с гражданскими и политическими правами [13, с. 412]. Симптоматично другое, что российские авторы, разрабатывающие подобные проекты, не ограничиваются рамками собственной страны, но, движимые идеей «спасения человечества» и «особой миссии России» в этом деле, раздвигают их до масштабов всего мира.

Представляется, что не только в современной России, балансирующей на грани тоталитаризма, но и в большинстве стран постсоветского пространства, погруженных в состояние тотального общественного кризиса, где доминирующими являются ценности выживания, вообще очень сложно оценить/разглядеть перспективы политической солидарности в контексте развития современных глобальных политических процессов, представляющей собой одно

из проявлений «ценностей самовыражения». Поэтому здесь преобладающей является пессимистическая оценка реальной значимости данного политического феномена в контексте развития политической жизни современного общества. Безусловно, подобная «пессимистическая» установка вовсе не сводит потенциал политической солидарности к абсолютному нулю, но лишь подчеркивает факт углубляющейся деградации указанного феномена политической жизни в современных условиях. Сторонники данной позиции с сожалением указывают на то, что характер политической солидарности в контексте развития современного общества круто меняется, превращая данный феномен в ситуативный элемент политической жизни [15]. Причем ситуативный характер политической солидарности рассматривается здесь как адекватное проявление и доказательство его углубляющейся деградации.

Примечательно, что ситуативный характер политической солидарности подмечают и исследователи на Западе, трактуя его как одну из отличительных черт развития политической жизни современного общества. Однако, в отличие от приведенной выше точки зрения, ситуативность политической солидарности «оптимисты», напротив, рассматривают как закономерное проявление общечеловеческого прогресса, порождающего новые формы отношений и связей между людьми. Ситуативно возникающая политическая солидарность, по мнению Инглхарта и Вельцеля, и является одной из таких новых форм общественного взаимодействия, имеющих не меньшую, чем прежде, значимость для функционирования политической сферы. В условиях постиндустриального общества, становление которого сопряжено с резким разрывом с прошлым, характерным для индустриального общества, речь идет о переходе от «общности по необходимости» (трудовых коллективов, связанных скрепляющими связями) к «привязанности по выбору» (связи, возникающие по собственной воле). Возникающая все большая открытость людей для связей «наводящих мосты», необычайно расширяет возможности для проведения общественных кампаний на основании связей, порождаемых символической идентичностью, мобилизации большого числа людей ради коллективных действий

и формирования социальных движений, преодолевающих пределы тесно спаянных групп и даже национальные границы. Указанные связи представляют собой даже более мощный ингредиент социального капитала, чем «скрепляющие» связи, которые возникают в рамках тесно спаянных, интровертных сетей, основанных на регулярных личных контактах. Если определить социальный капитал как любой общественный ресурс, позволяющий людям координировать свои действия, то, как показывают западные аналитики, становится очевидным, что символическая идентичность таких организаций как *Greenpeace*, создает больше социального капитала, чем личные узы, связывающие участников карточных клубов или боулинговых ассоциаций. *Greenpeace* способен координировать действия многих тысяч людей в рамках потребительских бойкотов и публичных демонстраций, несмотря на то что они лично друг с другом не связаны [13, с. 426].

В контексте анализируемой проблемы следует, также, подчеркнуть необходимость проводить четкое разграничение между солидарностью как феноменом политической жизни и солидаризмом. Это представляется тем более важным, что в некоторых публикациях встречается отождествление указанных понятий [16]. Согласно политической теории, под «солидаризмом» понимают политическую идеологию, стоящую на вооружении тех или иных политических партий. Он получил развитие в первую очередь во Франции, и одним из его родоначальников был Пьер Леру, который известен также тем, что впервые ввел в оборот понятие «социализм».

Идеи солидаризации прослеживаются у теоретиков самых различных течений, в том числе и противостоящих друг другу, — социалистического, анархистского и либерального. Вместе с тем, социалистическая идея является в этом смысле наиболее соответствующей, поскольку человек в рамках этой идеологии отождествляет себя с классом, коллективом, обществом. Коллективизм и солидарность взамен индивидуализма либералов является отличительным признаком самых разных социалистических учений. Коллективистски окрашенной предстает и идея свободы, которая

понимается как освобождение класса, трудящихся, народа от эксплуатации и угнетения. Идея социальной справедливости трактуется в рамках социалистической идеи патерналистски: человек полагается не столько на себя, сколько на коллектив, общество, государство, которые должны обеспечить его социальную защищенность [11].

Солидаризм как отдельный альтернативный подход к социальному взаимодействию в условиях идейной фрагментации предполагал поиск взаимовыгодных интересов и механизмов их реализации между различными классами и группами, однако, по мнению аналитиков, не нашел должного прикладного воплощения. Как на это указывает Окара, солидаризм в развитии общественно-политических процессов сыграл относительно ограниченную роль и сегодня, по его мнению, остается «фрагментарной» или даже «забытой» идеологией [22, с. 146-155]. В настоящее время элементы солидаризма оказались, по сути, рассредоточены в различных доктринальных конструктах и ценностных установках весьма синтетического политико-идеологического дискурса [23, с. 61-75].

Задействованность (ориентированность) идеологии солидаризма в деятельности партий, в особенности тех, которые оказывают существенное влияние на политическую жизнь страны, является важной характеристикой функционирования политической сферы общества. Поэтому изучение проблемы солидарности сквозь призму данного аспекта имеет принципиальное значение для понимания особенностей функционирования политической сферы общества, тем более, что в Республике Молдова ориентированность на идеологию солидаризма зафиксирована в названии партии «Действие и солидарность», представляющей собой на сегодняшний день партию власти.

Интересным представляется и тот факт, что политическую солидарность как ценность в настоящее время берет на вооружение и российская партия власти, внося в Конституцию поправку - новую статью под номером 75.1, в которой закрепляется обязанность власти обеспечивать «политическую солидарность» в обществе. Статья 75.1 гласит: «В Российской Федерации создаются усло-

вия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность». Таким образом, государство по Конституции будет обязано эту солидарность обеспечивать. А это, по мнению критиков вводимой поправки, значит, что любые возражения действиям органов власти или словам ее представителей потенциально становятся нарушением Конституции. Таким образом, задача власти будет сводиться к тому, чтобы пресекать любые проявления несогласия с «Единой Россией» или протесты [24]. На наш взгляд – это прекрасный образец навязываемой «сверху» солидарности в интересах авторитарной власти, которая не имеет ничего общего с «ценностями самовыражения» и свободного волеизъявления, лежащих в фундаменте демократического устройства.

«Вертикальная солидарность», культивируемая «сверху», особенно характерна для политических лидеров харизматического типа, стремящихся к формированию общего чувства единения граждан перед угрозами национальной безопасности внешнего и внутреннего характера. Поэтому в их политических речах часто присутствует призыв к объединению всех слоев населения, всех «честных людей» в борьбе против общего врага, что является ничем иным как стремлением к политической изоляции противников через их исключение из широкого понятия «всех честных людей». «В целом, - как справедливо констатирует Бадзагуа, - в современных демократиях лидеры и партии ориентированы на привлечение на свою сторону максимального количества избирателей из самых разных слоев населения и призывают к солидарности (часто заменяя ее синонимами) всех, исключая политических оппонентов и их сторонников, якобы не понимающих подлинного содержания общего блага и путей его достижения» [10].

Подводя некоторые итоги, таким образом, следует отметить, что в оценке актуальной роли, отводящейся политической соли-

дарности в функционировании политической сферы жизни современного общества, а также ее перспектив на будущее, в специальной литературе мнения во многом расходятся. Если одни полагают, что политическая солидарность в современном атомизированном обществе практически изжила себя, то другие, напротив, считают, что политическая солидарность, будучи одной из ценностей самовыражения, лишь крепнет по мере углубления эмансипации человечества как результата общественного прогресса, существенным образом меняя при этом характер своего проявления.

Пессимистическая оценка значимости и перспектив феномена политической солидарности в развитии актуальных политических процессов, на наш взгляд, концентрирует основное внимание на процессах общественного кризиса как непреложного спутника крутых общественно-политических перемен. Подобный подход позволяет верно отразить болезненный процесс распада старых форм общественного взаимодействия, основанных на социально-экономических и общественно-политических отношениях, по большей мере, свойственных индустриальной эпохе. В то же время, указанный угол зрения, на наш взгляд, во многом затрудняет адекватную оценку того, что порождает новая постиндустриальная эпоха, порой радикальным образом меняющая формы и характер человеческих связей.

Оптимистический подход к оценке значимости феномена политической солидарности в современной политике, напротив, делает упор на тех новых проявлениях, которые несет с собой постиндустриальная эпоха, что позволяет разглядеть некие иные формы общественного взаимодействия, идущие на смену традиционным. Проблема, однако, заключается в том, что значимость подобных форм взаимодействия становится очевидной лишь на примере развитых стран мира, в то время, как развивающиеся страны предоставляют преимущественно картину кризиса и упадка. Думается, что преимущественная ориентированность научного анализа феномена политической солидарности на более полный учет новых реалий, порождаемых постиндустриальной эпохой, способна не только расширить исследовательский кругозор, но и предоставить

научное обоснование высокой значимости указанной политической ценности для развития и укрепления современных демократических систем.

В этой связи, для нас наиболее предпочтительным представляется подход, сформулированный Инглхартом и Вельцелем, опирающийся на разрабатываемую ими «теорию эмансипации». Теория эмансипации, опирающаяся на политико-культурный подход к анализу политических процессов, располагает в основании научной интерпретации процессов общественного развития самого человека, рассматривая его как продукт эпохи, что, по сути, подтверждает тезис о том, что действующие в общественной жизни объективные законы прокладывают себе путь через субъективную деятельность людей.

Люди, как вытекает из концепции эмансипации, представляют собой тот самый ключевой элемент системы, который приводит в действие сложнейший механизм демократического управления. Именно от этого элемента (его качества) в конечном счете зависит то, как будет работать «демократическая машина» управления и тот итог, к которому приведет ее работа.

Формирование под влиянием прогрессивного развития общества эмансипированного человека, повышение благосостояния которого многократно усиливает его тягу к свободе выбора и независимости, понуждающую солидарно бороться за защиту своих прав, способствует углублению процессов демократизации общества посредством оказания давления на власть с требованием широкого учета интереса граждан. И, напротив, зависимое положение людей в обществах с низким уровнем экономического развития, социальная энергия которых сконцентрирована по большей мере на решении повседневных проблем выживания, порождая политическую апатию и покорность воле властей, позволяет элитам править обществом по своему усмотрению, без учета воли и интересов масс, что превращает демократическое устройство общества в формально действующую систему.

Таким образом, низкий уровень эмансипации людей, характеризующийся отсутствием осознанного стремления к свободе вы-

бора и решимости бороться за реализацию своих прав и интересов, порождает лишь отчуждение и политическую апатию, лишая потенциальные солидарные действия необходимого социального импульса. В этой связи, остается признать, что, как бы это ни выглядело парадоксально, но более благополучные в экономическом отношении страны, где уровень эмансипации людей, ориентированных на «ценности самовыражения», выше, располагают на сегодняшний день во много большим потенциалом солидарных действий, нежели та категория развивающихся стран, где массы людей испытывают огромные трудности, связанные с проблемами выживания.

Задача заключается в том, чтобы, опираясь на теорию эмансипации человека, попытаться проанализировать политическую реальность, актуально складывающуюся в Республике Молдова, с тем, чтобы дать адекватную оценку имеющемуся в стране потенциалу солидарных действий.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мухаев, Р.Т. Политология. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 495 С.
2. Puterea politică și coeziunea socială în Republica Moldova din perspectiva integrării europene. Chișinău: Tipografia „Print-Caro” SRL, 2010. 222 С.
3. Modernizarea social-politică a Republicii Moldova în contextul extinderii procesului integraționist European. Partea a II-a. Chișinău: ÎS FEP „Tipografia Centrală”, 2019. 364 С.
4. Independența de Stat a Republicii Moldova: retrospectiva și realități. Materialele conferinței științifice naționale cu participare internațională din 26 august 2021 cu genericul „30 de ani de la adoptarea declarației de independență a Republicii Moldova: aspecte politico-juridice și social-economice” – Chișinău: ÎS FEP „Tipografia Centrală», 2022. 448 С.
5. Maia Sandu: Am primit asigurări că Republica Moldova este așteptată în marea familie europeană și vom beneficia de toată susținerea. <https://tvr Moldova.md/article/ee2aafc31a936866/maia-sandu-am-primit-asigurari-ca-republica-moldova-este-asteptata-in-marea-familie-europeana-si> (18.06.2023)
6. Maia Sandu, replică tăioasă pentru Lavrov: „Moldova este țară independentă și suverană, iar cetățenii au spus că vor să trăiască într-o țară liberă”. <https://anticoruptie.md/ro/stiri/maia-sandu-replica-taioasa-pentru-lavrov->

- moldova-este-tara-independenta-si-suverana-iar-cetatenii-au-spus-ca-  
vor-sa (18.06.2023)
7. Constituția Republicii Moldova. <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/md/Constitutia-RM-format-mic-Rom-Tipar-14-07-2016.pdf> (18.06.2023)
  8. Алмонд, Г., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. В: Политология: Хрестоматия/ Сост. Б.А. Исаев, А. С. Тургаев, А.Е. Хренов. Санкт-Петербург: Питер, 2006, с. 274-285.
  9. Крауч, К. Постдемократия. Москва: Издательский Дом Госуниверситета-Высшей школы экономики, 2010. 192 С.
  10. Бадзагау Г. Ж. Противоречивое понятие солидарности. <https://cyberleninka.ru/article/n/protivorechivoe-ponyatie-solidarnosti/viewe> (13.03.2023)
  11. Мировые политические идеологии: сравнительный анализ. <https://kamunikat.org/download.php?item=3420-7.html&pubref=3420> (13.03.2023)
  12. Миронов Р. В. Категория «солидарность» как фактор современного политического процесса России. <https://www.dissercat.com/content/kategoriya-solidarnost-kak-faktor-sovremennogo-politicheskogo-protsesssa-rossii/read> (13.03.2023)
  13. Инглхарт, Р., Вельцель, К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. Москва: Новое издательство, 2011. 464 С.
  14. Скворцов И. П. Солидарность как основа социального развития современной России. <https://cyberleninka.ru/article/n/solidarnost-kak-osnova-sotsialnogo-razvitiya-sovremennoy-rossii> (15.03.2023)
  15. Коньков А.Е. Солидарность в политике современного государства. <https://cyberleninka.ru/article/n/solidarnost-v-politike-sovremennogo-gosudarstva/viewer> (15.03.2023)
  16. Попов Е.А. Солидарность как явление современной культуры. В: Философия и культура, 2021, № 11, с. 26 - 32. DOI: 10.7256/2454-0757.2021.11.37047 URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=37047](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37047) (15.03.2023)
  17. Самарин А.Н. Возродится ли солидарность в современной России? В: Конфликтология. В: Теория и практика, 2007, №2. <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=270&type=publ> (09.03.2022)
  18. Россия и мир в XXI веке. Материалы научного семинара. Вып. № 4. Москва: Научный эксперт, 2010. 160 С. URL: [http://www.rusrand.ru/text/Gum\\_nauka\\_vyp\\_4\\_2010.pdf](http://www.rusrand.ru/text/Gum_nauka_vyp_4_2010.pdf) (09.03.2023)

19. Кургинян С.Э. Суть времени. [http:// www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4](http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4) (09.03.2023)
20. Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. Москва: РГГУ, 2005. 442 с.
21. Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. Социология глобальных процессов. Москва: Издательство РГСУ, 2007. 676 с.
22. Окара А.Н. Солидаризм: Забытая идеология XXI в. В: Журнал «Политическая наука», 2013, № 4, с. 146–155.
23. Бойцова О.Ю. Теоретические модели солидаризма в политической мысли рубежа XX– XXI вв. В: Философия политики и права. 2018. Вып. 9, с. 61–75.
24. «Политическая солидарность»: в Конституцию вносят запрет на возражения Кремлю и «Единой России». <https://pravda35.ru/politicheskaya-solidarnost-v-konstituciyu-vnosyat-zapret-na-vozrazheniya-kremlyu-i-edinoj-rossii/> (16.06.2023)